

типография в Кракове появилась еще в конце XV в. Но до конца XVII в. русских и цсл. русской редакции книг печаталось мало, и русская письменность с XVI до конца XVII в. была по преимуществу рукописной.

§ 10. Начиная со 2-й половины XI в. имеется непрерывный ряд памятников, писанных представителями разных русских наречий. Их гораздо больше, чем памятников любого другого слав. языка того же времени. Однако ценность их показаний для истории р. языка сильно уменьшается от того, что обычно они представляют лишь русские списки памятников ю.-сл., а особенности р. языка проскальзывают в них лишь в виде ошибок писцов. Даже оригинальные произведения р. писателей и р. переводы древнейшей эпохи, особенно црк. характера, как напр., жития святых (хотя бы и р.), црк. службы, уставы, поучения и т. п., писаны на том же цсл. языке, и лишь немногие памятники писаны на р. языке, более или менее свободном от цсл. элементов. При всём том даже памятники црк. характера благодаря своей многочисленности и благодаря тому, что помимо ненамеренных отступлений от орфографии ю.-сл. образцов и оригиналов уже в XI в. обнаруживается стремление приспособить правописание к р. произношению, позволяют составить более или менее определённое представление о фонетических и морфологических особенностях некоторых р. наречий, современных этим памятникам.

§ 11. Вместе с тем господство цсл. в р. письменности не было всеобщим и безусловным. Уже древнейшие грамоты почти свободны от элементов цсл. Правда, они или очень невелики по объёму или чрезвычайно однообразны по содержанию и потому даже при большом объёме дают мало материала для суждения о языке их составителей и писцов, но есть и грамоты, которые с большими размерами соединяют и богатое содержание: такова, напр., грамота рижан в Витебск около 1300 г., содержащая протест рижан против действий Витебского князя и его наместника в Риге. Кроме грамот имеются и другие памятники подобного рода, писанные русским, а не цсл. языком. Такова, напр., т. наз. Русская Правда, сборник уголовных и гражданских законов, составленный в XI в. и сохранившийся в списках, начиная с конца XIII в., и др. Многочисленные русские летописи, старшие части которых вос-

ходят к середине XI в., но сохранились в позднейших списках — XIV в. и позднее, — по языку заметно отступают от норм современного им цсл. языка других р. литературных памятников и содержат частью такие эпизоды, язык которых почти чисто русский. Без сомнения, язык летописей с самого начала, т. е. уже в XI в. отличался от цсл. других памятников и уже тогда в известных эпизодах носил скорее русский, чем цсл. характер. Большое число старых руссизмов, необычных для других р. рукописей XVI в., в списке Слова о полку Игореве в Мусин-Пушкинском сборнике XVI в. позволяет думать, что они принадлежат первоначальному тексту Слова, и что там руссизмов было больше, чем в этом списке, т. е., что его язык отличался от литературного языка переводных памятников и произведений прк. характера и приближался к живой речи тогдашнего придворного класса Ю. Руси. Что касается р. оригинальных произведений прк. характера и р. переводов, поскольку в составлении их не принимали участия вместе с русскими и ю. славяне, то их язык хотя и цсл., всё же отличался уже в XI в. от языка р. списков с памятников ю.-сл. происхождения бóльшим количеством руссизмов и бóльшим приближением к р. живой речи, как об этом можно судить по житиям Бориса и Глеба и Феодосия Печерского в УС XII в., где эти жития, будучи писаны теми же писцами, которые переписывали и остальные части УС, содержат руссизмов значительно бóльше, чем прочие статьи, несмотря на очевидную грамотность писцов и их стремление избегать руссизмов¹). Заметно отличается от языка р. списков ю.-сл. памятников и язык р. перевода прк. Устава, сохранившегося в отрывке конца XI в. и в полных списках XII в. и позднее. Тем не менее мы до сих пор не располагаем надёжными способами отличать по языку тексты р. происхождения как оригинальные, так и переводные, писанные на цсл., от текстов ю.-сл. происхождения и определять, какие руссизмы надо относить на долю р. автора или переводчика и какие — на долю позднейших переписчиков.

§ 12. До XV в. мы не имеем вполне определённых указаний на существование в пределах русской языковой области других

¹) Не считая собств. имён (личных и географич.), как Володимирь, Вьсволодь, Вышегородь, Перемславль, Берестово и др., употребляющихся в обоих житиях исключительно в русском звуковом виде.

литературных языков кроме цсл. Различия между языком памятников сев.-р., зап.-р. и ю.-р., а в ю.-р. области памятников киевских и галицких сводились больше к правописанию и стилю; определённые указания имеются только на то, что еще в XII в., если не раньше, проведено было повсюду разграничение между языком литературным цсл. и деловым р., который допускался и в летописном рассказе там, где не преследовались цели литературные. Редкими исключениями являются такие литературные памятники, как Слово о полку Игореве, в котором рядом с элементами цсл. видим намеренное пользование элементами живой речи (может быть, устной поэзии) в широких рамках.

§ 13. В XV в. в Ю.-З. Руси, входившей в то время в состав Литовского в. княжества, деловой язык местных государственных учреждений, в основе которого лежало одно из живых наречий б.-р., становится в тоже время и литературным, на котором уже в том же столетии возникает богатая письменность как переводная, так и оригинальная; на этот язык переводится и Св. Писание, не говоря уже о произведениях не-црк. характера. Впрочем этот литературный язык, первоначально почти чисто русский, лишь с незначительным количеством нерусских элементов, с одной стороны цсл., с другой польских, довольно рано (с XVI в.) подвергся сильному влиянию польского и к XVII в. до того проникся польскими элементами, что литературные произведения на этом языке, возникшие в XVII в., часто трудно отличить от польских, переписанных белоруссом.

§ 14. В XV же столетии, но несколько позже возникает письменность неделового характера и на м.-р. (грамоты на этом языке писались и раньше). В основе его лежат живые м.-р. говоры. Но обще-м.-р. литературного языка до XIX в. не выработалось. Литературный язык ю.-р. письменности XV и XVI в. частью представляет лишь незначительные уклонения от зап.-р. литературного языка, частью изобилует элементами цсл., частью более или менее свободен и от того и от другого, а кроме того представляет и такие видоизменения, которые вызваны диалектическими различиями м.-р. говоров. И этот язык подвергся сильной полонизации подобно зап.-р.

§ 15. В Московской Руси в течение XV и XVI в. на основе местного московского говора (см. ниже) развился собственный деловой язык, принятый затем во всех государственных учреждениях („приказах“) и господствовавший там до XVIII в. Этот „приказный язык“, почти свободный от элементов цсл., к середине XVII в. достиг большого развития и имел все данные стать литературным. На нём писались не только государственные и юридические акты, договоры и пр., но и почти вся корреспонденция московских в. князей, царей и московской интеллигенции, хотя находились книжные люди, пользовавшиеся и в этом случае цсл., а также статьи и книги самого разнообразного содержания: своды законов, мемуары, хозяйственные, политические, географические и исторические сочинения, лечебники, поваренные книги и т. д. К памятникам, писанным этим языком, относятся между прочим хозяйственные главы Домостроя XVI в., „Уложение“ 1649 г., сочинения царя Алексея Михайловича, как напр. его „Урядник сокольничья пути“ и др. Сюда же можно присоединить и „Ведомости“ начала XVIII в. При всём его высоком развитии он оставался всё время только языком деловой письменности. Литература художественная и церковная в широком смысле до XVIII в. пользовалась только цсл. языком. Всё же элементы этого языка проникали и в традиционный литературный цсл. язык и в конце концов содействовали развитию нынешнего р. литературного языка.

Кроме приказного, в Моск. Руси (как, впрочем, и в Ю. Руси) вырабатывается постепенно, начиная с XV в., особый вульгарно-литературный язык, которым писались популярные литературные произведения, распространённые среди низов читающей публики, и к которому приспособлялись даже записи произведений устной словесности — сказок, песен и т. п. (ср., напр., былины старой записи, напечатанные Тихонравовым в сборнике: Миллеръ и Тихонравовъ, Былины старой и новой записи, Повесть о Горе и Злочастии и др.). В этом вульгарно-литературном языке из цсл. остались только известные штампы в виде отдельных наиболее употребительных в цсл. книгах слов в роде: бысть, рече, аще и т. п., цсл. дублетов с ра, ре, ла, ле и с щ к русским словам с полногласием и ч, некоторых излюбленных форм в роде аористов и имперфектов (особенно часты